

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*В.Н. ТИТОВ***Неформальная экономика в России:
исторические традиции****Традиционализм и генезис неформальных экономических связей**

В современной научной литературе сложился достаточно устойчивый взгляд на институциональный генезис и особенности функционирования российской экономики. Авторы, исследовавшие специфику исторического развития отечественных экономических институтов, отмечали важную особенность – доминирование государства как инстанции, задающей правила экономического поведения хозяйствующих субъектов. Несмотря на различия понятий, используемых для построения теоретических конструкций – "вотчинное государство" [Пайпс, 2004]; "X – матрица" [Кирдина, 2004]; "раздаточная экономика" [Бессонова, 1997]; "административные рынки" [Кордонский, 2000], – исследователи выделяют в качестве системообразующей характеристики российских институтов особую роль государства, стремившегося на всем протяжении истории занимать доминирующую позицию в хозяйственной жизни страны, выступая в качестве главного "перераспределителя" различных ресурсов. При этом позиции остальных хозяйствующих субъектов общества оставались достаточно пассивными и зависимыми от политической воли государства. Подобная конфигурация отношений неизбежно приводила к дисбалансу сил. В результате предприниматели, организации искали возможности установления более тесных отношений с государством, у которого они могли найти политическую поддержку, получить необходимые материальные, финансовые ресурсы, правовые гарантии, заказы, квоты, лицензии. Разумеется, отношения между государством и хозяйствующими субъектами могут строиться и на преимущественно формальной основе. Однако для этого необходимо соблюдение принципиального условия – сам государственный аппарат должен соответствовать атрибутам "идеальной" модели бюрократии в том виде, как это представлено у М. Вебера:

- отделение штаба управления от вещественных средств предприятия;
- профессиональный управленческий персонал;
- отношения иерархического подчинения;
- однозначное распределение должностных обязанностей;
- отделение лица от должности (безличность);
- связанность административных действий формальными инструкциями;
- письменная фиксация управленческих решений.

Титов Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

При этом "идеальная" модель бюрократии соответствует так называемому "легитимному" типу господства, то есть господству, базирующемуся на безусловном признании существующих законов, норм права большинством членов общества [Виноградов, Головин, 1997, с. 76]. Таким образом, бюрократическая модель Вебера – некий посреднический инструмент, позволяющий регулировать отношения между обществом и сферой профессиональной политики. Легитимное господство и безличная бюрократия – необходимое условие функционирования промышленного капитализма и рыночной экономики. Проникновение каких-либо неформальных, личных отношений в механизм функционирования профессиональной бюрократии – скорее, исключение из правил и строго преследуется по закону.

Если же государственный аппарат не соответствует модели "идеальной" бюрократии по Веберу, то имеет место сохранение "традиционного" типа господства с неизбежными личными неформальными отношениями между представителями административного аппарата государства и отдельными хозяйствующими субъектами. Тут может существовать некая иерархия формальных статусов, должностных обязанностей, но безличность не является необходимым условием существования системы. Отсутствие универсального подхода к "клиентам" в рамках традиционного господства создает широкие возможности для манипулирования административными ресурсами, позволяет создавать разнообразные неформальные возможности как для агентов государства, так и для ищущих в государстве содействия в реализации своих интересов.

Эти признаки традиционного государства знакомы нам по советскому обществу, где экономический статус был связан прежде всего с политическим статусом. Причем в нашей стране это не было специфической особенностью именно советского общества, поскольку в царской России (по крайней мере, до конца XIX в.) экономический статус также был связан с местом в иерархии чинов, с сословным положением. Описывая механизм перераспределения ресурсов между центром и периферией империи, С. Кордонский по существу представляет систему "раздаточной экономики", как она характеризуется О. Бессоновой. Отличие состоит в том, что Кордонский вводит понятие "торги", чтобы подчеркнуть связь этого механизма с рынком административных ресурсов, а у Бессоновой механизм распределения ресурсов представлен несколько упрощенно: ресурсы отправляются снизу в Центр, который затем их перераспределяет в соответствии с политическими и общественными потребностями, как он их понимает. У Кордонского же мы имеем асимметричный обмен между Центром и периферией в категориях "торга", то есть подчеркивается, что, несмотря на доминирование Центра, периферия обладала определенной степенью автономии и Центру явно или неявно могла выставить свои условия. Таким образом, ситуация трактуется в понятиях теории "принципал–агент", когда агент, обладая более полной информацией о локальной ситуации, может манипулировать принципалом. Успех в административных торгах зависел от положения в административно-политической иерархии.

Кордонский видит основной положительный итог рыночных реформ в том, что они способствовали социальному расслоению общества, коммерциализации власти (то есть в увеличении коррупции), увеличению динамики социальной мобильности, в том, что население все больше вынуждено "крутиться", чтобы выжить в новой экономической реальности, а также в изменении традиционных отношений между Центром и периферией. Вряд ли можно отнести коррупцию (коммерциализацию власти) к положительному итогу реформ, поскольку она, ничего принципиально не меняя в механизме отношений между государством и предпринимателями, населением, лишь делает механизм административных торгов более рыночным и ситуативным. Поэтому наивно полагать, что коррупция ликвидирует прежнюю "многоуровневую структуру имперского управления".

Если в прежней советской системе административного рынка торги и обмен происходили на основе неких документов и прочих символов, подтверждающих статус сторон, то в постперестроечной России при сохранении значения символов статуса ("корочки", номера машин, "мигалки", костюм и т.п. формы культурного капитала) деньги приобре-

тают все большее значение, но это не меняет основ административного рынка. Коммерциализация власти не увеличивает эффективность принятия управленческих решений, более того, вносит в функционирование системы значительную долю неопределенности, ситуативности, спонтанности.

Проведенный Кордонским анализ структуры советского общества и механизмов функционирования "административного рынка" позволил выявить особенности существования различных составляющих теневой экономики. С появлением в ходе реформ легального предпринимательства и предприятий разнообразных правовых форм количество субъектов теневых отношений и структура их взаимодействий стала гораздо более запутанной по сравнению с советской эпохой. Однако базовый механизм, порождающий теневые отношения, существующий благодаря стремлению государственного аппарата оказывать прямое или косвенное влияние на экономические процессы, во многом остается неизменным.

Становление российских экономических институтов: формальные и неформальные связи

Остановимся на рассмотрении основных особенностей эволюции российских экономических институтов в контексте отношений между формальной и неформальной составляющих экономики. Первое, что обращает на себя внимание, – значительная политическая, экономическая и культурная дистанция между трактовками развития России и Западной Европы. Россия имела эпизодические военные и торговые контакты со странами Запада и развивалась как достаточно замкнутая система, не испытывавшая сколько-нибудь существенного религиозного, языкового, правового влияния со стороны последнего. Значительно более существенные культурные, политические контакты поддерживались Киевской Русью с Византийской империей, от которой были восприняты и православие, и во многом система административно-политического устройства государства.

Результатом закрытости экономического, политического, культурного развития Московской Руси стала достаточно длительная консервация традиционных практик и образа мышления, ограниченность восприятия инноваций. В частности, в России вплоть до Екатерины II в общественном сознании отсутствовала концепция права. Россия, достаточно долгое время враждебно настроенная в отношении западного католицизма и протестантизма, стремилась блокировать любые культурные влияния, шедшие из Европы, в том числе и римское право. От Византии была органично усвоена идея абсолютной монархии и подчинения церкви государству, однако в то же время не были восприняты Кодекс Юстиниана, равно как и язык богослужения. Западная же Европа достаточно органично унаследовала от античных времен как идею права, так и латынь в качестве языка богослужения и, соответственно, весь свод литературных, философских памятников античности.

Юридическая система России, вплоть до кодификации отдельных законодательных актов при Николае I, была весьма аморфной, логически противоречивой, сохраняющей многочисленные положения, отражающие реалии средних веков. Хотя в России были многочисленные законы, представлявшие собой указы монарха, однако эти законы не имели концептуальной основы в виде права. Проблематизация прав личности в общественном сознании профессионалов, узких слоев интеллигенции возникла не ранее второй половины XVIII в. Права как некоего четко определенного набора гарантий, предоставляемых личности со стороны государства, не могло быть в системе предельно централизованной политической власти, концепция которой базировалась на безусловном приоритете государственных интересов над интересами человека или общества.

Отсутствие правового сознания во всех слоях общества обуславливало отсутствие идеи взаимности обязательств между сторонами, вступившими в договорные отношения. Отсюда – устойчивый режим произвольности действий как государства в отношении населения (общества), так и населения в отношении государства. Низкий уровень

правового сознания современного российского общества как условия для широкого развития неправовых практик, то есть неформальной экономики, фиксируется в исследованиях современных отечественных ученых (см., например, [Заславская, Шабанова, 2001]).

В средневековой России в отличие от Западной Европы не сложилось системы вассалитета – формального договора между вассалом и сюзереном относительно взаимных обязательств сторон, – который стал, наряду с римским правом, основой правовых отношений, судопроизводства, заложил предварительные основы гражданских отношений. Кроме того, вассалитет – не только система формальных законных договорных отношений между сторонами, но также и система нравственных обязательств. На основе вассальных отношений сложилась плотная иерархическая сеть отношений. Феодальные *curia regis* – собрания королевских вассалов – стали основой, на которой формировались впоследствии европейские парламенты. А судебная система Англии и Франции выросла из права вассала на публичный суд, осуществляемый не его сюзереном, а третьим лицом.

Другим важным отличием средневековой системы институтов на Руси от западноевропейских было доминирование так называемого "вотчинного" владения. Вотчина была полным и безусловным владением – аналогом *dominium* (термин, которым в римском праве обозначалось господство лица над материальной вещью). Доминирование вотчинной собственности в средневековой России создало особый тип организации политической власти и системы административного управления. Русские князья и цари не проводили различия между политической властью и собственностью. Отсюда возникла специфическая традиция синкретизма – неразделимости политической, юридической, экономической функций. В то время как на Западе создалось достаточно четкое разделение политической власти (*imperium*) и собственности (*dominium*), то есть средневековые монархи рассматривали себя не как собственников государства, а только как политических властителей. Они были не столько подлинными суверенами, сколько индивидами, установившими по договору с другими индивидами – своими вассалами определенную систему взаимных прав и обязанностей. Феодальная концепция двусторонних договорных отношений между сюзереном и вассалами до некоторой степени подобна позднейшим концепциям, характерным для капиталистического общества, – о правительстве как договоре между государством и гражданами, легитимность которого зависит от согласия последних.

Неотделимость собственности от управления как специфическая черта российской административно-политической системы позволила исследователям называть ее "власть-собственность": "Власть-собственность – это и есть альтернатива европейской античной, феодальной и буржуазной частной собственности в неевропейских структурах, причем это не столько собственность, сколько власть, так как функции собственника здесь опосредованы причастностью к власти, т.е. к должности..." [Васильев, 1993, с. 69]¹. Следствием синкретизма власти и собственности в России было создание достаточно аморфной правовой системы, при которой сама частная собственность опиралась не на закон, а скорее на обычай, некую нечетко определенную традицию. Эта ситуация предоставляла весьма широкие возможности для произвольных решений и действий для тех, кто были наделены властью, для специфических неформальных межличностных отношений между хозяйствующими субъектами, когда те, кто находятся ближе к власти, пользуются одновременно и экономическими выгодами. Система "власть-собственность" устанавливала состояние крепостного права крестьян от помещиков, а также зависимость последних от царя. Свобода перехода князей и бояр от князя Московского была запрещена при Иване III. Освобождение от обязательной службы государству – государю дворяне получили только в 1762 г.

¹ Из работ последнего времени, посвященных системе "власти-собственности" в истории и современности России см., в частности, [Нуреев, Рунов, 2002; Латов, 2004; Плискевич, 2006].

Неким аналогом условной собственности в средневековой России стала система так называемых "кормлений", официально просуществовавшая вплоть до XVI в., а неофициально – значительно дольше. Обычно кормление давалось на ограниченное время, реже в пожизненное держание. "Кормленичный доход" (часть собираемых налогов) и "присуд" (судебные пошлины) мог быть вознаграждением за судебно-административную деятельность или за прежнюю службу в войсках и т.д. Практика взимания кормов воеводами, несмотря на все указы об их ограничении, оставалась очень устойчивой, сформировав некую неформальную сеть отношений между представителями власти и населением, заложив базу для позднейших "административных рынков".

Живучесть системы кормлений объясняется прежде всего неспособностью государства обеспечить для своих служащих на местах достойное и регулярное денежное содержание. В дальнейшем от этой традиции идет и расцвет взяточничества, на которое была направлена сатира писателей XIX в., и коррупции, являющейся мощным фактором развития неформальной экономики. Все это стало в России не отклонением от общепризнанной нормы, а органичной частью системы управления. Установилось даже представление о "грешных" и "безгрешных" доходах. "Грешными" считались доходы, добытые за счет государства (искажение отчетов, растрата казенных денег), а "безгрешными" – доходы, полученные от населения (взятки).

Еще одно важное отличие в развитии институциональной системы России и Западной Европы состояло в генезисе государства как инстанции, определяющей и санкционирующей разрешенные и запрещенные хозяйственные практики. Если в Западной Европе постепенно были созданы органы управления, отвечавшие за определенную сферу деятельности и имевшие публичный характер (суд, парламент, Генеральные штаты и т.п.), то в России основной орган государственного управления в средние века – приказы, генетически связанные с княжеским поместьем. Они отвечали скорее не за выполнение определенной публичной функции, а за источник дохода для казны. Приказы фактически оставались аппаратом управления "вотчинного государства", то есть обслуживали нужды собственности государя, и так и не стали исполнительным органом власти, обеспечивающим общественные потребности.

В системе "власть-собственность" речь вообще не идет о потребностях общества, а только о потребностях верховного собственника – монарха. Сверхцентрализация государственного аппарата с очень сложной иерархией и плохо определенными функциональными взаимосвязями стала характерной чертой системы организации власти в России. Свое завершение централизация получила в советский период развития, породив так называемые "административные рынки".

Важной особенностью западного феодализма, отличавшим его от российской вотчинно-удельной системы, была усложнявшаяся со временем социальная автономизация: городское самоуправление, профессиональные корпорации (гильдии и цеха), монашеские и рыцарские ордена, университеты и т.п. В дальнейшем эти самоуправляющиеся автономные образования заложили организационно-правовые формы для рыночной экономики. Относительно не зависимые от государства самостоятельные социальные образования имели в то же время весьма жесткую формальную структуру, правила и нормы поведения для своих членов.

Россия не знала и так называемой "коммунальной революции", известной Западной Европе, где города нередко вступали в открытую борьбу со своими сеньорами и добывались права самоуправления еще в XI–XII вв. В России города развивались скорее как военные и административно-политические единицы, а не в связи с развитием торгово-промышленных функций. Последние города, обладавшие некоей независимостью, – Новгород и Псков – потеряли остатки автономии при Иване Грозном в результате жестокой расправы над населением. С тех пор ремесленно-торговый люд фактически был приравнен к остальным категориям "тяглового населения" и прикреплен к своей профессии и месту жительства. Иерархически было организовано и российское купечество.

Подобно объединению крестьян в общины (удобной форме, использовавшейся высокоцентрализованным государством для установления "тягловых повинностей", "подуш-

ной подати", набора населения в армию) городское население объединялось в городские общины, называвшиеся "посадскими", и несло коллективную ответственность за свои тягловые повинности. Посадские общины, как и введенные реформой Петра I "гильдии", не стали органичной частью системы городского самоуправления, привилегированными свободными корпорациями.

При низком уровне развития рыночных отношений городское население вынуждено было комбинировать типично городские виды деятельности – торговлю и ремесло – с сельскохозяйственной, что, впрочем, делали и крестьяне. Подобный хозяйственный синкретизм объективно являлся тормозом для развития специализации труда – необходимой предпосылки становления индустриального капитализма. Кроме того, такой образ жизни создает благоприятные условия для сохранения традиций неформальной экономики. Крестьяне, находившиеся на оброке и занимавшиеся торговлей, в городах объединялись в "слободы", которые, в отличие от посадов, не несли своей доли тягла государству. Фактически члены слобод представляли собой неформальный сектор городской экономики. Население посадов, в свою очередь, стремилось избавиться от тягловых повинностей, устраивая побеги из своих общин.

Важная особенность истории отечественной экономики – ярко выраженный хозяйственный традиционализм. Традиционная экономика противостоит инновационному типу экономики, характерному для западного мира, и опирается на устоявшиеся обычаи в сфере форм организации хозяйственной деятельности. Для традиционной экономики характерны:

- погруженность экономической деятельности в сети социальных связей, обязательств;

- неразрывная взаимосвязь между экономической и политической властью;

- отсутствие или слабо развитая специализация труда;

- вторичность по отношению к иным сферам социальной жизни (семья, религия, военная или государственная служба), а некоторые виды экономической деятельности (торговля, ростовщичество) являются по закону или в соответствии с нормами господствующей этики неодобряемыми;

- устойчивое сохранение традиционных способов осуществления производственной и экономической деятельности, низкий уровень внедрения технологических инноваций.

Традиционная экономика весьма устойчива благодаря своим социальным корням. До тех пор, пока человек рассматривается как неотъемлемый элемент социальной общности, государства, а не как индивид, обладающий некими формально гарантированными правами, трудно представить, что экономическая деятельность может осуществляться в инновационном режиме. Западная экономика встала на инновационный путь развития только тогда, когда в ее культуре были определены ценности свободы и прав личности, любые формы хозяйственной деятельности стали социально одобряемыми, а государство стало рассматриваться как инстанция по обеспечению общественного блага.

Объективная экономическая основа сохранения традиционной экономики – слабое развитие рыночных отношений, определяющее доминирование натурального хозяйства. Такая ситуация сохранялась в России достаточно длительное время. К стати, именно благодаря устойчивости натурального хозяйства Россия смогла относительно безболезненно пережить различные революции и социально-экономические трансформации. В кризисные моменты система натурального хозяйства позволяла населению выжить путем комбинирования различных видов хозяйственной деятельности: выращивания продукции на приусадебных участках, мелкой торговлей ("мешочничества", "челночества"), производства продукции на оборудовании остановившегося предприятия, различного рода подработок ("халтуры") и иных видов неформальной деятельности. Комбинирование сельскохозяйственного труда и ремесленно-торговой деятельности создавало благоприятные условия для сохранения традиции неформальной экономики. Комбинированный труд в России был во многом детерминирован объективными обстоятельствами. Низкая урожайность во многих центральных и северных регионах стимулировала помещиков переводить крестьян на натуральный, а затем и денежный оброк.

Ограниченный сезон выполнения сельскохозяйственных работ (около пяти месяцев в году) предоставлял крестьянам значительное время для занятия иными видами деятельности для удовлетворения потребностей своих семей, оплаты податей и оброка.

Важнейшая отличительная особенность эволюции отечественных экономических институтов – стремление государства в течение длительного времени создавать и расширять свои монополии. Государственные монополии в той или иной форме были свойственны и странам Западной Европы в эпоху "меркантилизма" XVI–первой половины XVIII в. Однако предоставление привилегий и государственные монополии стали осознаваться усиливающейся буржуазией и представителями экономической мысли Европы (А. Смит) как факторы, препятствующие свободному развитию рыночных отношений. В России же любой вид хозяйственной деятельности, приносящий прибыль, мог быть объявлен монополией царя. Издавая указы по конкретным промыслам (так называемые "заповедные товары"), монархия вводила на них царскую монополию и устраняла конкуренцию со стороны частных лиц, допуская при этом и существование отдельных частных монополий под своим непосредственным контролем.

В соответствии с базовыми принципами меркантилизма государство последовательно проводило протекционистскую политику в отношении российских купцов. Высшей точкой развития меркантилистской политики стала эпоха Петра I. Стойкая приверженность государственному монополизму и меркантилистской политике в долгосрочной перспективе консервировала технологическую отсталость и зависимость от Европы, снижала конкурентоспособность отечественных предприятий. Это создавало благоприятные условия для развития разнообразных видов неформальной активности населения, увеличивало коррупцию государственного аппарата.

Низкий уровень правового сознания в России, при котором отсутствует представление о договорных отношениях между сторонами относительно взаимных прав и гарантий их обеспечения, безусловно, сказывался на специфике отношений между государством и населением по поводу налогообложения. При отсутствии развитой правовой культуры в обществе налогообложение рассматривается скорее как разновидность дани, которую подвластное население должно выплачивать какому-либо лицу, обладающему военной силой. В данном случае имплицитно предполагается, что обладающий военной силой субъект будет, в свою очередь, обеспечивать безопасность населения от вторжений, набегов других вооруженных формирований. Впоследствии выплата дани может обосновываться выполнением судебных, полицейских и иных функций со стороны военного вождя. Постепенно дань может эволюционировать, обретая форму налогов. Однако если отсутствует устойчивое представление о праве, то размеры и процедуры изъятия дани или налога могут становиться неопределенными, случайными и необоснованными. В Киевской Руси один из таких спонтанных походов за данью князя Игоря к древлянам закончился его убийством – первый известный протест против нарушения подразумеваемых прав со стороны податного населения. После завоевания монголами Руси ясак как разновидность дани собирали специальные *чиновники-баскаки* или *купцы-откупщики*, позже этим занимались сами русские князья по ярлыку из Орды, действия которых вызывали неоднократные восстания населения. В период формирования Московского государства в XIV–XV вв. главным финансовым законодателем стал великий князь. Наместники и волостели не имели большой финансовой компетенции.

Основной смысл финансовой системы России состоял в увеличении поступлений в казну, средства из которой шли на военные цели, содержание государственного аппарата, царского двора, строительство казенных мануфактур. Налоговый произвол власти встречал негативную реакцию со стороны податного населения. Крестьяне скрывались от переписчиков, вводили в заблуждение Поместный приказ относительно размеров своих земельных владений и шли на иные, пользуясь современным языком, "экономические преступления".

Подлинное "творчество" в отношении налогообложения проявил Петр I, при котором резко выросли разнообразные поборы и повинности, число прямых и косвенных

налогов. Власть произвольно взимала налоги, разделяя искомую сумму налогов на количество дворов или душ тяглого населения. Налоговая система формировалась по пути простоты взимания, а не обоснованности. При этом доходность хозяйственной деятельности не учитывалась.

Естественным ответом населения на усиление налогового пресса был поиск путей уклонения от повинностей. Ситуация постоянного увеличения налогового бремени со стороны государства и нахождение людьми новых способов ухода от налогообложения регулярно воспроизводилась в течение многих веков. При этом нарушение "формальных" основ налогообложения в России было обоюдным – и со стороны государства, и со стороны населения.

Еще одно свидетельство низкого уровня правовой культуры – отсутствие в обществе внятного представления о праве собственности. Юридическая сторона крепостного права оставалась неопределенной: оно выросло на основе множества обычаев и отдельных указов, ограничивающих возможности перехода крестьян². Кроме того, власть могла в любой момент отобрать у помещиков крестьян, которые в условиях слабой освоенности огромной территории оказывались одним из важнейших дефицитных ресурсов. Лишь в XVIII в. поместья потеряли условный характер и стали обычной частной собственностью, отчуждаемой и наследуемой независимо от службы. С этого времени дворянство рассматривало свою собственность на землю не просто как право, но и как особую привилегию.

Однако эти представления не совпадали с убеждениями, господствовавшими в крестьянской среде и ставшими одним из важнейших препятствий на пути эффективного решения так называемого крестьянского вопроса. Крестьяне, согласно устоявшейся норме обычного права, полагали, что земля должна принадлежать тому, кто трудится на ней, при этом земля мыслится как часть устоявшегося уклада, как естественное продолжение личности земледельца. Таким образом, в России постепенно сложилась ситуация "двоеправия", когда крестьяне считали землю своей, а помещики – своей [Латов, 2001]. В том случае, когда помещики переставали уделять внимание ведению хозяйства в своих поместьях, крестьяне на основе своего представления о трудовом праве на землю начинали самовольно ее захватывать, вырубали лес, занимались потравами и осуществляли иные хозяйственные практики на совершенно "законных", по их мнению, основаниях. По сути, и в данном случае речь идет об укорененности неформальных экономических отношений, подкрепленных народными представлениями о "справедливости".

Советская хозяйственная модель и теневая экономика

В советский период официальная доктрина настаивала на искоренении социально-экономических предпосылок для всякой скрытой экономической деятельности. Отдельные так называемые "экономические преступления" рассматривались как аномальный частный случай, исключение из правил функционирования социалистической экономики. Однако, как известно, в реальности, особенно во второй половине XX в. все было далеко не так. И к концу 1980-х гг. уже открыто говорили о существовании не просто неформальной экономической деятельности, но теневой экономики, хотя в зарубежной литературе такой вывод делался и ранее. Так, Г. Гроссман противопоставил официальной советской экономике, основанной на централизованном планировании, "вторую экономику", функционирование которой осуществляется в нарушение государственных законов, производство и обмен товаров осуществляется исключительно в целях личной выгоды [Grossman, 1977].

При этом нерегламентированная государством хозяйственная деятельность могла быть как легальной, так и нелегальной, подпадающей под уголовное преследование.

² Важность крепостничества как несущей конструкции российской институциональной системы отмечается, в частности, А. Аузаном [Аузан, 2007].

Наиболее обширной сферой легальной частной экономической деятельности было хозяйство на приусадебных участках, урожай с которых реализовывался главным образом на колхозных рынках. Сами по себе приусадебные участки и колхозные рынки легальны, однако деятельность, с ними связанная, могла проходить с определенными нарушениями (превышение разрешенных размеров участка, количества скота, использование колхозных ресурсов в личных целях и т.п.).

Значительное развитие частная деятельность в СССР получила в строительстве, где наиболее ярким примером стали бригады так называемых "шабашников", которые возводили в колхозах различные строения за наличные деньги в частном порядке. Во "вторую" легальную экономику в СССР были включены и представители ряда профессий, осуществлявших, например, мелкие ремонтные работы, оказывавших бытовые услуги, проводивших разведку и добычу некоторых ценных металлов (золотостарательские артели), и т.д. Они должны были отчитываться за оказываемые услуги или сдавать плоды своего труда государству по твердым фиксированным ценам. Покупка товара у любого продавца с целью его последующей перепродажи и получения личной выгоды рассматривалась как спекуляция и преследовалась по закону.

Однако и в "первой экономике" – в рамках государственного сектора наблюдались многочисленные нарушения официально установленных правил и стандартов ведения хозяйственной деятельности. К ним, в частности, можно отнести: создание на предприятиях неофициальных запасов продукции, которые можно было использовать для бартерного обмена на необходимые поставки; приписки; завышение или занижение плановых показателей выпускаемой продукции, и т.п.

Советские законы предусматривали уголовное наказание за различные правонарушения – кражу государственной собственности, собственности кооперативов, взяточничество, обмеры и обвесы покупателей, спекуляцию. Однако в реальной жизни все эти противоправные виды деятельности получили широкое распространение. Более того, вынос с рабочего места материалов, продукции, инструмента стал социально легитимной формой существования людей.

Особой разновидностью "второй экономики" в СССР стало незаконное производство, осуществлявшееся "цеховиками" – подпольными предпринимателями, организовывавшими производство в значительных масштабах, нанимавшими рабочую силу и получавшими материалы и оборудование на черном рынке. Свою продукцию они реализовывали теневым посредникам – спекулянтам. Как правило, такие подпольные "цеха" создавались под прикрытием официально действующих предприятий. Причем их продукция была предназначена для удовлетворения насущных потребностей населения, имела высокий платежеспособный спрос в условиях, когда "первая экономика" была структурно крайне перекошена, нацелена на обслуживание государственных нужд в гигантской системе ВПК.

Несмотря на официальную противозаконность, коррупция в СССР, по мнению Гроссмана, также получила широкое распространение как среди сотрудников контролирующих органов (милиция, ОБХСС), так и среди различного рода чиновников и даже продавцов, получавших взятки за продажу дефицитного товара. Важным представляется его вывод о том, что "вторая экономика" в СССР приобрела системный характер, и в нее тем или иным образом оказалось вовлечено большинство населения. Сам факт ее роста свидетельствует о неспособности советской системы производить минимально необходимые материальные ценности и управлять экономикой в соответствии с принципами, провозглашенными самим советским социалистическим государством. Все это вело к росту в обществе власти денег, делая политический режим менее устойчивым.

Проблема "второй экономики" в СССР изучалась также Л. Шелли, который полагал основным функциональным последствием существования "второй экономики" повышение гибкости социально-экономической системы советского общества. Обратной стороной этой гибкости стал рост коррупции и иных противоправных действий, рост социального цинизма, культа денег, подтачивавших изнутри этическую основу советского режима. Вывод Шелли практически полностью совпадает с точкой зрения Гроссмана:

"Подъем второй экономики есть следствие неэффективности плановой экономики, неспособности официальной экономики обеспечивать нужды многих граждан. Вопреки ожиданиям, будто централизованно планируемая экономика должна эффективно предотвращать частную инициативу и нелегальную деятельность, многие условия, напротив, способствуют возникновению нелегальной деятельности" [Shelley, 1990, p. 21–22].

Таким образом, советская планово-централизованная экономика оказалась, по существу, "экономикой дефицита" [Корнаи, 1990], что и порождало объективные условия для развития скрытых форм экономической деятельности предприятий и населения. С начала перехода к рыночной экономике в России, как свидетельствует статистика, масштабы различных видов теневой экономики достигали 40% и более [Schneider, 1997]. Экономическая либерализация, которая должна была бы способствовать устранению главной причины существования "второй экономики" в СССР (дефицит потребительских товаров и услуг), не только не сократила ее масштабы, но, напротив, подстегнула ее развитие. Сложившиеся на протяжении отечественной истории и закрепившиеся в советский период неформальные отношения типа "патрон – клиент" приучали людей смотреть на официальные правила и законы, как на пустые формальности, строить стратегию своего экономического поведения прежде всего на налаживании личных отношений с "нужными людьми".

В результате проводившейся с начала 1990-х гг. политики реформ создававшиеся предпринимательские структуры стали делать упор не на свободную конкуренцию, а на установление клановых связей, патрон-клиентских отношений с государством. Начал утверждаться нерыночный по своим методам действия и клановый по структуре капитализм, при котором основным мотивом деятельности стало установление монополии или олигополии, позволяющей получать ренту за счет контроля над потоком ресурсов.

Созданная в 1990-е гг. система государственно-олигополистического (кланового) капитализма объективно не заинтересована в формировании относительно свободной конкурентной среды, эффективной системы социальной защиты, поддержании коллективных форм социального действия. В условиях блокирования социальной активности снизу, большая часть населения избрала достаточно пассивную стратегию адаптации, обратившись к различным видам неформальной деятельности (самостоятельная занятость, неформальный найм и т.п.). На уровне домохозяйств неформальная экономика для бедных слоев населения стала, по существу, стратегией выживания.

Если преобладающая часть домохозяйств обратилась в ходе реформ к достаточно пассивной стратегии адаптации в форме выживания, используя возможности неформальной занятости, то бизнес избрал смешанную стратегию экономического поведения – некую комбинацию индивидуального предпринимательства в духе "выживает сильнейший", поиска покровительства государственных структур различного уровня и подстраховки со стороны криминальных или полукриминальных силовых организаций. В результате использования противоречивой стратегии, соединяющей в себе патрон-клиентские отношения и ориентацию на агрессивные индивидуальные действия, предпочтение отдавалось использованию разнообразных неформальных практик (выплаты различным "крышам", взятки и подарки представителям контролирурующих инстанций, участие в бизнесе неформальных "покровителей", серые схемы ухода от налогообложения, манипулирование с отчетностью, выплата заработной платы "в конверте" и т.п.).

Наряду с расцветом негативных аспектов неформальных отношений в экономической сфере, были и конструктивные проявления неформальных взаимодействий (создание эффективных профессиональных ассоциаций, отстаивающих свои интересы, этика сотрудничества и доверия между представителями бизнес-сообщества, действенная политика социального партнерства и т.п.). Однако они оказались выражены значительно слабее. Вместо универсалистских ценностей и норм поведения, присущих эффективной, построенной на легитимных основаниях рыночной экономике, в российском бизнесе стали доминировать партикуляристские нормы, краткосрочные отношения, ситуативные решения.

При отсутствии традиций развитого гражданского общества, слабой культуре правового сознания, незначительном объеме накопленного "социального капитала" основную инициативу по реформированию экономики, как это всегда было в истории России, взяло на себя государство. Если нет доверия между основной частью населения и государством, инициировавшим реформы, то их результат едва ли мог быть успешным. Отсутствие действенных инструментов воздействия общества на государство (влиятельные общественные организации и партии, публичная дискуссия предлагаемых реформ, развитые институты социального партнерства) предоставляло бюрократии широкие возможности для проведения тех реформ, которые отвечали ее интересам, были выгодны отдельным группам влияния (например, крупному бизнесу).

В результате государство воспроизвело механизм "административных торгов" в условиях специфического рынка, сложившегося в России. Если советское государство было построено на основе жесткой территориально-административной и монопартийной иерархии, сверхцентрализации, подкрепленной идеологией "государства-фабрики", то сложившийся в 1990-е гг. государственный механизм, с одной стороны, стремится воспроизводить традиционную для России систему централизованного контроля над экономикой, с другой – агенты государства устанавливают сложные неформальные сети отношений с привилегированными крупными компаниями.

Данная ситуация напоминает рассмотренную выше систему взаимоотношений между государством и экономикой в Московской Руси: жесткий государственный контроль над хозяйственной жизнью при существующих государственных монополиях и уполномоченных агентах государства "сверху", а "снизу" – лишенное привилегий и несущее тягловые повинности посадское население и крестьянские общины. Подобная конфигурация субъектов хозяйственных отношений, естественно, предрасполагает к коррупции и установлению разнообразных неформальных связей и форм хозяйственного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А. "Колея" российской модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6.
- Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997.
- Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. Т. I. М., 1993.
- Виноградов В.Г., Головин Н.А. Политическая социология. Учебн. пос. СПб., 1997.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5.
- Кирдина С.Г. X и Y – экономики: институциональный анализ. М., 2004.
- Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М., 2000.
- Корнаи Я. Дефицит. М., 1990.
- Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2004. № 4.
- Латов Ю.В. Экономика вне закона (очерки по теории и истории теневой экономики). М., 2001.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5.
- Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 2004.
- Плискевич Н.М. "Власть-собственность" в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России*. 2006. № 3.
- Grossman G. The "Second Economy" of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. Sept.–Oct.
- Schneider F. The Shadow Economies of Western Europe // *Journal of the Institute of Economic Affairs*. 1997. Vol. 17. № 3.
- Shelley L.I. The Second Economy in the Soviet Union // *The Second Economy in Marxist States*. London, 1990.